

С. СТЕПОНАВИЧЕНЕ

ОБ ОДНОЙ БАЛТО-СКАНДИНАВСКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИЗОГЛОССЕ

В новейших грамматиках литовского языка и в последних грамматиках исландского языка, при всей их малочисленности по сравнению с количеством грамматических описаний других языков, при анализе словосложения, как правило, особо выделяется тип сложного существительного со вторым компонентом *-palaikis* и *-galis* в литовском и *-skratti*, *-fjandi*, *-tetur*, *-korn*, *-grey* и т.п. в исландском. В последнем этот тип получил название *mann-skratti*, в литовском его можно условно назвать *vaikpalaikis*.

Примерами в литовском могут служить, кроме приведенного, *arkliāpalaikis* „кляча, никудышная лошадь“, (из *arkllys* „лошадь“ + *palaikis* „плохой, негодный“), *pōpiergalis* „клочок бумаги“ или „бумага, не имеющая большого значения“ (из *pōpiarius* „бумага“ + *gālas* — „край, конец, кусок“, с обычным семантическим переосмыслением как „плохой край, плохой кусок“).

Примерами из исландского могут служить *barnkorn* „мальш“ от *barn* „ребенок“ и *korn* „песчинка, малая часть“, *lapparskarn* „ножища или ручища“, „лапища“ (обычно грязная) от *löpp* „конечность, лапа“ + *skarn* „мерзость, грязь, нечистоты“.

Эти типы, таким образом, представляются грамматистами наиболее своеобразным, наиболее специфическим для системы словосложения как в литовском, так и в исландском. Нельзя сказать, чтобы эти типы были изолированы и локализованы только лишь в этих двух языках. Они существуют и в других языках соответствующей группы (в латышском, с одной стороны, в шведском, датском и норвежском, а также в немецком с другой). Во всех этих языках есть типы, обнаруживающие известную близость к вышеуказанным типам литовского или исландского, есть и полностью им аналогичные. Однако во всех этих языках, в отличие от литовского и исландского, указанный тип находится на периферии словообразовательной системы. Образования соответствующих типов в них или единичны, или их распространение ограничено определенной сферой употребления: диалектно окрашенная речь или разговорно-просторечный стиль. Из скандинавских языков наиболее распространен этот тип в шведских диалектах или жаргонах (примеры *katt-skrälle*, *kalvstackare*, *bonnjävel*), в датском этот тип распространен менее, еще менее — в норвежском. В тех редких случаях, когда слова этого типа попадают в словари, при них обычно бывает помета „бранн.“ или „жаргон.“.

Указанный тип довольно подробно изучен как в литовском, так и в исландском языках, хотя исландское словосложение в целом изучено значительно меньше, чем, например, шведское или датское. В литовском языке сложные существительные с компонентом *-palaikis* и *-galis* описаны В. Урбу-

тисом в „Грамматике литовского языка“ и статья¹, В. Дротвинасом в его диссертации и статье о *vaikpalaikis*². Объединение указанных композитов в один тип впервые встречается в диссертации В. Дротвинаса на с. 102. На своеобразии типа с *-palaikis* обратил внимание еще раньше Я. Отрембский в работе „Wschodniolitewskie narzecze twereckie“³, но все же первым, кто осмыслил его в ряду других композитов, следует, по-видимому, считать К. Г. Мильке, автора литовско-немецкого и немецко-литовского словаря 1800 г.⁴ Хотя примеры таких образований находим уже в словаре Р. Руйгиса 1774 г.⁵, все же К. Г. Мильке первым поместил эти образования в словарной статье на *palaikis* и дал общую характеристику значения образований на *-palaikis*⁶.

В обширной работе П. Скарджюса⁷, посвященной литовскому словообразованию, указания на данный тип отсутствуют, хотя там содержатся отдельные важные замечания относительно значения и происхождения соответствующих слов.

В исландском языке указанный тип был впервые выделен Стефауном Эйнарссоном в его грамматике современного исландского языка⁸ и впоследствии подробно описан им же в специальной статье⁹. Идеи Эйнарссона были развиты Ульрихом Грэнке, указавшим на идентичный материал в других германских языках, прежде всего в немецком¹⁰. Утверждения Грэнке и частично Эйнарссона были подвергнуты резкой критике американцем П. Сэйлюсом¹¹, к чему мы еще вернемся позднее.

Насколько известно, сложные слова типа *mannskratti* в исландском и *vaikigalis* и *vaikpalaikis* в литовском еще не сопоставлялись. А между тем они обнаруживают поразительную аналогию, вплоть до мельчайших совпадений. Типологическая близость не вызывает сомнений, различия же касаются главным образом степени продуктивности обоих типов в каждом из языков.

Структурное сходство между указанными типами состоит прежде всего в том, что оба они представляют собой инверсивное (или аппозитивное)

¹ Lietuvių kalbos gramatika, t. I. V., 1965, с. 442–443, 472. V. Urbutis. Dabartinės lietuvių kalbos sudurtinių daiktavardžių daryba. — В кн.: Dabartinė lietuvių kalba. V., 1961, с. 75, 120.

² V. Drotvinas. XVI–XVIII a. lietuvių raštų sudurtiniai daiktavardžiai. Kand. dis. V., 1967, с. 101–102, 152–160. Сложные имена существительные типа *vaikpalaikis* в литовском языке. — ABSI, t. III. Białystok, 1966, с. 51–58.

³ J. Otrębski. Wschodniolitewskie narzecze twereckie, t. I. Kraków, 1934, с. 194–195.

⁴ Ch. G. Mielcke. Littauisch-deutsches und Deutsch-Littauisches Wörter-Buch. Bd. I–II. Königsberg, 1800.

⁵ Ph. Ruhig. Littauisch-Deutsches und Deutsch-Littauisches Lexicon. Königsberg, 1747, с. 250, 276, 346.

⁶ Ch. G. Mielcke. Указ. соч., I, с. 140; „Palaikis, kè, eine unnüße Sache, in Compos., (подчеркнуто автором статьи), als Szun -palaikis, ein unnüßer Hund... Karwpalaikie eine schlechte Kuh, Kirwpalaikis eine untagliche Urt.

⁷ P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. V., 1943.

⁸ S. Einarsson. Icelandic Grammar. Texts and Glossary. Baltimore, 1949, с. 180.

⁹ S. Einarsson. Compounds of the Mann-skratti Type. Studies in Honor of A. M. Sturtevant. Kansas, 1952, с. 47–56.

¹⁰ U. Grönke. Zum Kompositionstypus mannskratti. — „Lingua Islandica (Íslenzk tunga)“, 1961–1962, Bd. III, с. 39–51.

¹¹ P. H. Salus. More about mannskratti. — „Lingua Islandica (Íslenzk tunga)“, 1963, vol. IV, с. 109–111.

сложное слово. Определяющим является не первый компонент, как обычно, а второй, детерминирующий первый: сравним *kirvākotis* „ручка топора“ — с обычным расположением компонентов и *kirvāpalaikis* — „никуда не годный, худой топор“; *mannlif* с обычным порядком компонентов — „человеческая жизнь“ и *mannskratti* „негодяй“, ср. в шведском *bonddotter* „крестьянская дочь“ и диал. *bonnjävel* „чертов крестьянин“.

При общем структурном сходстве на первый взгляд имеется и одно явное различие, точнее, выпадение одного из литовских типов из общей схемы. То, что в исландском и других скандинавских языках оба компонента представляют собой основу существительного, как и литовские образования с *-galis*, является очевидным. В случае же с *-palaikis* второй компонент рассматривается обычно как прежде всего прилагательное. В пользу такой трактовки говорят такие признаки, как согласование компонентов в роде и числе (формы рода и числа всего сложного слова зависят от рода и числа первого компонента, когда он выступает самостоятельно): *žmónpalaikė* „плохая жена“, *bātpalaikiai* „плохие сапоги“, *arkliāpalaikis* „кляча“. Далее, первый компонент может иметь суффикс: *berniōkpalaikis*, *bobėlpalaikė*, *šuniōkpalaikis*, что также как будто подчеркивает дифференциацию существительного — первого компонента и прилагательного — второго.

Однако вполне возможно рассматривать указанный компонент — *-palaikis* и как основу существительного. В пользу такой трактовки свидетельствуют следующие факторы:

1) Существование параллельно существительного с весьма близкой семантикой. Это: *pālaikas*, *palaikà*, *palaikaĩ*, которые к тому же могут иметь в диалектах форму и на *-is*, по данным словаря литовского языка¹².

2) Факт широкой субстантивации прилагательного в литовском языке. См., напр., приводимый В. Дротвинасом пример из словаря литовского языка: *Šitos pasakos neseksiu — ilgapalaikė*¹³, где *-palaikė* не может быть прилагательным. Об этом же свидетельствует существование сочетаний типа *bóbos palaikė*¹⁴ параллельно с *bóbpalaikė*, *bobėlpalaikė*, *bobāpalaikė*.

К трактовке компонента *-palaikis* как субстантивного был фактически близок П. Скарджюс. Он считал, что существительные, подобные *vaikas palaikis*, происходят из сочетаний с приложением (*priedėlinės grupės*): *vaikas palaikis* как *vaikas tinginỹs*¹⁵. В соответствии с рассуждением П. Скарджюса компонент *-palaikis* следует считать отсубстантивным.

Точно так же и у Я. Отрембского мы нигде не найдем утверждения о том, что *-palaikis* представляет собой отадъективный компонент.

Таким образом, есть все основания считать, что компонент *-palaikis* не нарушает общей схемы модели. Структурно-семантическая общность обоих указанных типов в литовском языке, выделяющая их из числа других композитов, оказывается более существенной, чем различие между ними.

¹² LKŽ, t. IX, с. 230–233.

¹³ LKŽ, t. IV, с. 43.

¹⁴ LKŽ, t. I, с. 958.

¹⁵ P. Skardžius. Указ. соч., с. 410.

Однако еще более, чем структурные, указанный тип в обоих языках сближают функционально-семантические признаки.

Обращает на себя внимание семантическая соотносимость, почти тождественность лексем второго компонента. Часть исландских лексем означают буквально то же самое, что и *gālas*, *palaikis*, при всем многообразии значений последних.

Так, литовскому *-galis* из *gālas* „конец, малая часть, кусок“ соответствуют исландские *-korn* „малая часть, песчинка“, ср. *žvakigalis* „огарок свечи“ и *kistilkorn* „маленький и плохенький сундучок“; *-sopi* — „малая часть, капля“, *-púfa* — „малая часть, кочка“ и т.п. *-galis* из *gālas* „черт, нечистый, злой дух“ соответствует исландское *-skratti*, *-fjandi*, *-ótukt*, *-djöfull*, *-skolli*, *-ári* и т.д. Присоединение *-galis* к обозначению живых существ, возможно, как раз и опирается на это значение слова *gālas*; ср. *bobagalỹs*, *vaikigalis*, *pie-mengalỹs*.

Самостоятельным многозначным лексемам *palaikis*, *pālaikis*, *palaikai* соответствуют в исландском лексемы, выступающие, как уже указывалось, и самостоятельно, такие, как *tetur* 1) „тряпка“, 2) „жалкий, несчастный“, *hró* „что-либо старое, ветхое, дряхлое“, *hrak* „негодная вещь, хлам“, *hrae* „труп, мертвечина“. Сюда же отнесем и шведское *skrälle* „рухлядь“, встретившееся нам в форме *kattskrälle* и соответствующее *kātpalaikē* „плохая кошка“.

Как в литовском, так и в исландском второй компонент выступает и в свободном значении, причем чрезвычайно экспрессивном, а также в устойчивых сочетаниях: *gyvas galas*, *čystas galas* „очень плохо, ужас“, *galą jis padarys* „черта с два он сделает“, *galą gauti* „подохнуть“, *po galais* „к чертям“ — исландское *fjandans* „ужасный, кошмарный“, *hver skrattann* „вот черт!“; *þar hitti skrattinn ömmu sina* „нашла коса на камень“ и т.д.

Общим для всех слов указанного типа является особая экспрессивность семантики, создающаяся за счет второго компонента и выражающаяся чаще всего в пейоративности.

Пейоративность — это то, что в первую очередь отличает сложные слова с *-galis* указанного типа от сложных слов „обычного типа“, ср. *põpiergalis* „клочок бумаги“, *grāšgalis* „медный грош“, „жалкая сумма“ и *viršūgalis* „верхний конец“, *ašigalis* „полюс“. В некоторых случаях семантика второго компонента четко не выражена: *lentgalỹs* или *lentigalis* не обязательно значит „плохой обломок доски“, но лишь в определенном контексте, точно так же, как в исландском, значение слов типа *súpusopi* зависит от индивидуального ощущения говорящего: в одних случаях это будет „немножко супа“, в других — „плохой суп“.

Благодаря своей экспрессивности слова указанного типа выступают обычно в эмоционально-насыщенной речи, прежде всего разговорной, как в разговорно-литературной, так и в разговорно-просторечной. В связи с этим представляется не вполне справедливым существующее мнение о том, что главной сферой функционирования образований с *-palaikis* становится в последнее время книжно-публицистическая речь¹⁶. Употребление этих слов идет от разговорной речи, о чем свидетельствует их широкое бытование в

¹⁶ Дротвинас В. Указ. соч., с. 57.

диалектах. Выход же этих слов в публицистическую речь стал возможен лишь постольку, поскольку в нее входит разговорный элемент, и никак не связан с книжными стилями речи как таковыми. Стихия слов указанного типа — прежде всего разговорная речь, что подтверждается материалом всех языков, где этот тип существует и прежде всего материалом литовского и исландского языков.

Общим для обоих языков является также „открытость“ этого типа — далеко не каждое слово фиксируется словарями. Так, мы не найдем слова *bylpalaikė* „дрянное дело“ (юрид.) и многих других, даже в большом словаре литовского языка. Многие существительные имеют параллельные образования с *-galis* и *-palaikis*, и последнее явно вытесняет первое. Оно легко присоединяется и к иноязычным основам, и вообще становится все более универсальным носителем пейоративного значения. Это объясняется однородностью и семантической четкостью компонента *-palaikis*, в то время как у *-galis* еще наличествует связь с прямым значением, что и делает возможным появление неологизмов типа *saváitgalis* „конец недели“, *ašigalis* „полюс“, букв. „конец оси“, иначе, сложных слов обычного типа. Эмоциональная палитра рассматриваемых слов в обоих языках не одинакова: в исландском они используются также для выражения одобрения, восхищения и в целом соответствуют диминутивам, среди которых они в исландском занимают главенствующее место. Они служат для выражения подчеркнуто эмоционального значения, о чем свидетельствует тот факт, что обычно они выступают в форме определенного артикля.

Словообразовательные возможности литовских слов и их исландских аналогов также неодинаковы.

Во-первых, в исландском лексем, соответствующих *-palaikis* и *-galis*, несколько десятков, и число их непрерывно растет, в то время как в литовском таких лексем всего две.

Во-вторых, лексический объем и инвентарь лексических значений 1-го компонента в исландском значительно шире. 2-е компоненты указанного типа могут присоединяться и к абстрактным существительным, напр., к названиям болезни: *gigtarforsmáni* — соответствовало бы **reumatpalaikis* „проклятый ревматизм“, и к отглагольным основам: *búhokur* „плохонькое хозяйство“. В литовском 2-е компоненты указанного типа присоединяются обычно к конкретным существительным.

Из числа конкретных 2-й компонент присоединяется в исландском языке и к собственным именам: *Anítutetur* от имени *Aníta*, (*Reykja*) *víkurskömm* от (*Reykja*) *vík*.

Из примеров ясно, что сложения данного типа отличаются единством словообразовательного значения. Указанное единство обеспечивается стандартностью семантики 2-го компонента, причем многообразие лексем в исландском не нарушает стандартности их семантики. По своему значению, а также

благодаря своей регулярности все они приближаются к пейоративному или диминутивному суффиксу, на что первым указал в своих работах по литовскому словообразованию В. Урбутис¹⁷.

Во всех случаях происходит частичная десемантизация 2-го компонента, назначение которого заключается в формировании у слова общего экспрессивного значения (пейоративного или иного). Так, *banditpalaikis* означает не „плохой бандит“, а „бандит проклятый“, „бандитище“, „ах он, бандит!“, *kėkšpalaikė* — „развратница, такая-сякая“. Точно так же исл. *orgelskrifli* передает только общее значение, соответствующее литовскому *vargonpalaičiai* „неважный орган“. Этот оттенок почувствовал еще Я. Отрембский, когда впервые описал указанный тип в литовском. Все переводы у него даны с суффиксом *-sko*: *arkliāpalaikis* — *konisko*, *pirkāpalaikė* — *izbisko* и т.п.

Теперь, наконец, можно перейти к вопросу о том, является ли тип *vaikpalaikis*, *žvakigalis* и соответствующий *mannskratti* чем-то принципиально новым и действительно специфичным как для литовского, так и для исландского языков, или он соответствует модели, известной в индоевропейских языках с глубокой древности? Именно последнее утверждает уже упоминавшийся П. Сэйлюс, возражая Грэнке и частично Эйнарсону по поводу выделения *mannskratti* в особый тип. П. Сэйлюс считает, что этот тип уже описан Вакернагелем, Уитни, Миклошичем и другими как вид так называемый *karmadhāraya* (то есть это то же самое, что, например, *rāja-simhās* „король-лев“ или *mānusharākshasa* „человек-злой дух“). По мнению Сэйлюса, Поллак включил бы *mannskratti* в своем описании индоевропейских композитов в раздел: *Esocentrische Komposita; Unterordnung; Determinativa; Initialdeterminativa; Schlussglied nominal*¹⁸. В действительности все приводимые в указанных работах примеры убеждают в том, что *vaikpalaikis* и *mannskratti* образуют особый структурно-семантический тип, образованный по данной модели. Сущность этого типа заключается в том, что он является промежуточным между чистым словосложением и суффиксацией. Все примеры из греческого, санскрита, древнеанглийского, древнеисландского, готского, приводимые вышеназванными авторами, на которых ссылается П. Сэйлюс, представляют собой чистое словосложение, в котором процесс десемантизации 2-го компонента еще не начался. В литовском спорадически встречаются образования подобной модели: *gražuōlrapugė* „красоточка“, *bóbtarškė* „болтунья, тараторка“, приближающиеся семантически к соответствующим словам с *-palaikė*, *-galys*, но отличающиеся непредсказуемостью 2-го компонента.

В настоящей работе не ставилась задача выяснить причины замеченной аналогии. Главной задачей было типологическое сопоставление наиболее

¹⁷ V. Urbutis. *Dabartinės lietuvių kalbos...*, с. 75, 120.

¹⁸ H. W. Pollak. *Zur Einteilung der Komposita.* — IF, 1912, Bd. XXX, с. 62.

своеобразного явления в системе словосложения балтийских и скандинавских языков, установление соответствующей словообразовательной изоглоссы, которую можно назвать балто-скандинавской изосемодериватемой.

Предварительное заключение по поводу причин возникновения данной изоглоссы все же представляется возможным. Появление общего словообразовательного типа определило, по-видимому, не генетическое родство и не контакты, но типологическая близость в системе имени, прежде всего близость самого словосложения, а также близких к нему номинативных сочетаний в таких языках, как литовский и исландский.